

БОРИС БУЖОР

у
ДУЕТСЯ

ЖЕНЩИНАМ
К ПРОСМОТРУ
НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ

ЖЕНЩИНАМ
К ПРОСМОТРУ
НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ

ЖЕНЩИНАМ
К ПРОСМОТРУ
НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Бужор
Женщинам к просмотру
не рекомендуется

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69818206

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник повестей «Женщинам к просмотру не рекомендуется...» – это своего рода литературный эксперимент, театрализованная проза. Но если театр отделяет себя от зрителя рампой, то здесь, при полном погружении в текст, эти границы стираются, хотя ощущение камерности в разворачивании каждой сцены читателя не покинет. Книга содержит три повести и эссе, которые связаны логичной сюжетной нитью. Любовь плотская и ненависть, разрушение личности и вера, потеря малой родины и обретение Родины большой – темы, которые автор мастерски переплел меж собой.

Содержание

Женщинам к просмотру не рекомендуется...	5
Мразь	47
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Борис Бужор
Женщинам к просмотру
не рекомендуется

Женщинам к просмотру не рекомендуется...

На этом все и закончилось.

Обидно, что именно так. Он смотрел ей вслед.

Она уходила от него по узкой проселочной дороге.

С одного и другого края стояли дома с желтыми окнами.

Над головой нависало звездное небо последних дней августа, который уже не мог повториться, как и любовь.

Он понимал, что она плачет. Он чувствовал ее

боль, как свою. Она обернулась и поняла, что – да, чувствует.

«Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она...», – он не вовремя вспомнил слова старой лирической песни. Улыбнулся от бессилия.

Когда она вошла во двор, Вадим поплелся в сторону центра, наблюдая себя как бы со стороны. Он казался себе героем слезливой мелодрамы, что подходила к финалу, следующую серию которой можно было посмотреть теперь только в другой жизни. Еще бы такую омерзительную музыку, под которую обычно домохозяйки плачут – и вот тебе триумф банальности и пошлости. Добрел до поста советов, присел

на скамейку и долго всматривался в подсвеченный памятник какого-то героя. Разглядел на его спине надпись на английском *Mraz*.

Только бы хватило воли выкинуть ее из головы так, чтобы враз, навсегда, без компромиссов и сожалений. Хвост надо рубить сразу. Так легче, так проще. Никаких прощальных писем и воспоминаний.

Время возвращаться домой. Вадим встал со скамейки, закурил и выдохнул дым в сторону темного леса. Пахло травой и свежей стружкой. За спиной было слышно где-то далеко проходящий поезд. Поселок отметил субботний вечер и мирно спал, никому не было дела до каких-то там не свершенных любовей.

После того как Вадим уехал на такси, к памятнику подошли несколько подростков и посветили вверх фонариками. Лучи растворились в ночном небе. Со стороны их увидел проходящий мужчина, он усмехнулся бессмысленности происходящего.

«Гнать бы таких в три шеи», – подумал он, догадавшись, что это устраивает акции подрастающая оппозиция. И чего ей хочется? Перемен? На-ивные. Мужчина, почти пройдя поворот, все-таки не выдержал, захотелось разобраться, алкоголь требовал политических дебатов.

Вадим появился в театр с утра с тяжелой головой, перед репетицией выпил крепкого чая. Не помогло, клонило в сон. Работа над навязанным администрацией спектаклем раз-

дражала. Как сказал директор театра, зрителям надо про любовь, им это нравится, особенно женщинам. А театр в основном и посещают женщины.

Вадим сел в темный зрительский зал, сказал помрежу, что следует начать репетицию с драматической части, танцы-пляски потом. Итак – со второго действия, рабочее название этой сцены для себя режиссер-постановщик определил как «после секса».

Выгородка была установлена. Вадим дал сигнал жестом руки, чтобы световики заняли места, звуковики тоже были уже наготове. Через две недели премьеры, быстрее бы отлучиться – и в отпуск.

Актеры играли примерно так, как Вадим с них и требовал: он особо не обсуждал с ними их роли, плевал на все это. Что зрителям понравятся повы-шенные и надрывные интонации, было понятно.

В ситуации, когда приходилось что-то делать по велению руководства, он всегда проговаривал про себя фразу из старой песни: «Я подкину пару за-морочек про гашиш, про женщин, про вино. Это им так нужно, ведь без этого так скучно. Им другого в жизни не дано».

Реплика, диалог, монолог, все громче и громче герои. Слезы Эвридики – то, что нужно театру, который должен от муниципалитета получить суб-сидии на световое оборудование. И еще грустной музыки побольше. Да такой убогой, ко-

торой вчера не хватило. В этом деле все просто, надо привлечь хорошего художника, чтобы декорации по уму запланировал: луну трехмерную на задник залепил, чтобы трагедию обострила – и дамочки в слезах, мужчины ничего не поняли, но горды, что побывали в театре, просветились. Никакой политики, никакой элементарной, сиюминутной и колкой правды, только извечная и красивая любовь за которую не привлекут, не растерзают цензоры и морализаторы. Начальство будет довольно. Пришедший на премьеру мэр подарит бутылку дорогого коньяка и цветы из итальянского магазина. Произнесет пламенную речь, от которой станет совсем тошно.

А после местные СМИ и прикормленные федеральные напишут, что спектакль говорит о добре и зле, настоящей любви, что он глубокий, изящный и интонирующий.

– Ты положила голову мне на плечо и уснула. А я, я неожиданно почувствовал себя сильным от того, что ощущал тяжесть твоей головы на своем плече, – изо всех сил изображал влюбленного Орфея молодой выпускник Валерий Конопаткин.

– Мне чудилось, что мы лежим голые на песчаном берегу, моя нежность, подобно морскому приливу, постепенно заливаает наши распростертые тела.

Вадим поморщился. Вспомнил ее. Подумал, не дай Бог, она увидит его сейчас таким жалким, репетирующим такую херню. Впереди годы алко-гольного трипа, плавно переходя-

щего в одинокую старость, ничего хорошего жизнь больше не предвещала.

– Как будто и впрямь нужны были и эта борьба, и наша нагота на скомканной постели, чтобы мы могли действительно сродниться, как два брата, – продолжал Орфей, ходя вокруг кровати, на которой лежала Эвридика.

Двадцать первый век – уже нет наготы, сплошная обнаженка. И никаких «сродниться, как два брата». Не приведи Господь, в Департаменте культуры обвинят в пропаганде гомосексуализма.

Хрен вам тогда, а не световое оборудование.

– Давайте без этой фразы! – выкрикнул Вадим с места.

Микрофон был под рукой, но он никогда через него не работал.

Очередная удобная пьеса для постановки.

Надо быть законченным бездарем, чтобы по ней не сделать спектакль удобным для администрации и зрителя. Так уж заведено – к классическим пье-сам претензий нет. Для отчета любая классика – что русская, что зарубежная – гарантия цензурной безопасности. Никто никаких пьес, конечно, не читает. Так уже повелось.

Такие постановки удобны и для зрителя. Спектакль может быть откровенно плохим, но иллюзию просвещения еще никто не отменял.

Вадим, наблюдая за любовной трагедией на сцене, делал

порой некоторые замечания, но только для приличия, чтобы не подумали, что режиссер заснул на собственной репетиции.

Когда до перерыва оставалось минут пять, а Эвридика уже погибла, Вадима совсем накрыло.

«Погибла, да и хер с ней, – пронеслось в голове, – как была душой, так душой и осталась». И вся эта драматургия французская и античная катись куда подальше. Стало обидно за себя, за русского человека, выросшего в обычной русской глубинке без особых перспектив.

Вдруг пришла в голову идея: «Вот бы написать пьесу о себе и поставить». И название готово:

«Женщинам к прочтению не рекомендуется». Да чего уж – к просмотру не рекомендуется: «Женщинам к просмотру не рекомендуется».

Создать настоящую любовную драму. И она покажется всем неприятной, так как обнажит настоящую жизнь, которую так все бояться увидеть, тут не надо будет следить за истеричным Орфеем и тупой Эвридикой. Зритель станет наблюдать себя со стороны. Точь-в-точь как он себя вчера наблюдал. Обыватель будет ненавидеть автора, а потом себя. Но ненависть – это плохо. После второго акта это чувство должно уйти. Надо донести самое простое: счастье между мужчиной и женщиной случается под вечер и длится до утра, повториться ему не суждено. Любви на всю жизнь нет.

Вадим замечтался, не заметив, что на сцене уже началась

ругань между артистами: Орфей, блуждая по темной сцене, случайно наступил на платье спрятавшейся за скамейкой Эвридики. Та начала проявлять претензии. Конопаткин в силу своей молодости начал дерзить.

– Света добавьте! – крикнул Вадим.

«Как все верно», – подумал и не стал сразу прерывать конфликт. Вот эта жизнь, такая дурацкая и смешная. Без наготы и всяких «быть мне суждено с тобой навсегда».

Вадиму как автору захотелось заявить всему миру, что он был счастлив вопреки всей накопившейся боли. Он знает наверняка, каково это, но не стоит к этому привыкать: счастье – слишком большая роскошь для человеческого бытия.

Под вечер дошли до разбора финальной сцены, где Орфей оборачивается, смотрит в глаза Эвридике, и она исчезает навсегда. Не удастся ее вывести из тьмы Аида, хотя они были в шаге от выхода.

Сказали же Орфею не оборачиваться, не смотреть в глаза возлюбленной, пока не настанет рассвет. Он не выдержал, обернулся раньше времени, в глаза посмотрел. Что тут скажешь? Сам дурак, теперь Эвридике до конца времен оставаться в царстве Аида.

А ведь любовь была.

Она началась в июне легко и непринужденно, словно по сюжету лирической комедии французского кинематографа. Только хеппи-энд не светил: сначала случился грубые страсти особого немецкого кинематографа, а затем последовал

ремарковский финал – предчувствие неизбежной трагедии и неминуемой гибели.

– Привет, – сказала она растерянно, увидев его в назначенном месте.

– Привет, – отозвался он.

Мужчине и женщине, видевшим до этого друг друга лишь однажды, тут же захотелось почему-то обняться.

Мягкий закат красил улицу в розовый цвет.

И мир звучал полифонией вечерней столицы, придавая словам тайные смыслы. Затихали они – застывал и он, дожидаясь, когда Вадим и Елена ответят друг от друга глаза и заговорят снова, и только тогда оживал.

Из столичных закоулков доносилась музыка уличных кафе. Они следовали от одного к другому, пили пиво и вино. Еще недавно каждый из них думал, что будет иначе – просто скоротают время, встретятся, выпьют по чашке кофе, через полчаса разойдутся.

Через два часа его ждал поезд. Он сегодня подписал договор с главным театром страны и теперь после тяжелого, но удачного дня мечтал, что завалится в купе, выпьет сто грамм коньяка и крепко уснет. Она, выходя с работы, мечтала добраться поскорее до своей новой квартиры, принять душ и завалиться на широкую кровать. Направляясь на встречу, успела сто раз пожалеть, что согласилась увидеться с малознакомым человеком, который ей совсем не понравил-

ся, когда они впервые увиделись в общей компании. Мечтам мужчины и женщины не суждено было сбыться, и это сделало их счастливыми – утром они проснулись в одной постели.

А после их чувства вышли за ее пределы. И пошло-поехало. Вадим поймал кураж, работал по минимуму, вечерами предавался алкогольным и любовным страстям. Она просила не звонить и каждый вечер ждала его звонка, он обещал не звонить и каждый вечер звонил.

– Хоре бухать, – смешливо упрекала Лена, заслышав пьяный голос Вадима.

– Я немного, от чувств, – отшучивался он, счастливо улыбаясь в трубку.

– Ты когда ко мне приедешь?

– Как только, так сразу, – отвечал он, отходя подальше от подъезда в темноту.

Лена когда-то покинула свой поселок, сделала карьеру, развелась с мужем, уехала в Москву, где все у нее получилось так, как она хотела, но все равно осталась одна, точнее, она все это время была одна. И Вадим, вроде бы ничем не примечательный мужчина, вдруг дал ей почувствовать, что рядом с ней есть человек. Он принял боль Елены – она стала их общей. Лена хотела полюбить тоску Вадима, но он делиться с ней не стал, пожалел. Как-то Елена поняла, почему ее так тянет к провинциальному режиссеру – давно на ее пути не попадались столь прямые, открытые идейные люди, все больше дельцы, офисные клерки, руководители фирм –

избалованные и самоуверенные.

Ему сходила с рук наглость, ей она даже нравилась, будь он другим, вряд ли бы ему удалось так быстро завладеть ее чувствами. Тех, кто застенчиво ухаживал, стеснялся, делал продуманные и красивые комплименты, она не уважала – быстро теряла к ним интерес. Такие люди, только изрядно употребив, набирались смелости и могли позволить себе признания.

Он же моментально взял ее в оборот. Буквально через десять минут встречи посмотрел в глаза и сказал:

– Ты мне всегда нравилась.

На этот раз Лена застеснялась сама, это было забытое чувство из детства. Она улыбнулась, подумала, что он нахал, но нахал приятный.

Через две недели Вадим стоял на сцене вместе с труппой и под громкие аплодисменты умирал со стыда. Завидовал актерам, которые реально радовались овациям и решили уже третий раз выйти на поклон. Слепили софиты. А он искал глазами ее в зале, но в то же время боялся увидеть. Нет, она, конечно, не пришла смотреть на его позор, Елена слишком милосердна и добра. А главное – он никогда не был ей интересен как автор. Он был ей нужен как мужчина.

Прошло время. И творчество стало совсем по барабану. Поставил несколько комедий положений и любовных драм – «Коварство и любовь», «Кармен», все в подобном роде.

Вадим не жалел, что по работе оказался в Москве, – хоть какое-то разнообразие. Развееваться не мешало. Хотя каждый час порывался ей позвонить, но, к счастью, останавливался, это не имело смысла – длинный гудок казался бы десятилетием, нещадно старил бы, добавлял бы седины. А после. «Абонент не отвечает или временно недоступен».

Его бы это убило. Все же очевидно: абонент недоступен не временно, а навсегда.

С семнадцатого этажа гостиницы открывался красивый вид, глядя на который можно было предаваться печали. Вадима это забавляло – он такой несчастный, стоит и смотрит на большой город, вспоминая прошлое. Можно списывать героя с себя – отличная выйдет комедия. Ирония над собой придавала автору сил. Вечерние посиделки и малознакомые женщины отвлекали от тяжелых мыслей.

Вадим – совсем еще не старый человек. Считался талантливым и перспективным еще в театральном вузе. Горел, творил – и все получалось. С начальством не ладил, слишком был дерзок и своеволен, кто-то любил его за прямолинейность, кто-то ненавидел. Как бывшего спортсмена Вадима отличал упрямый и волевой характер. Но явным недостатком, что порой сбивал всех с толку, была рефлексия. Даже в армейской характеристике выделялась фраза «чрезмерная склонность к рефлексии». А ведь служил он не кем-нибудь – штурмовым пулеметчиком. Это состояние особенно ярко проявлялось после очередной премьеры спектакля.

Пересматривать свои постановки он не любил, за многие моменты ему было стыдно. Чувствуя это, он выходил покурить. Об этом знал только помреж. Другие думали, что режиссер инертен и безразличен к происходящему и к результату.

В этом постоянном самоедстве он думал о Лене. У них еще ничего не было. Должно было случиться чудо, но звезды не сошлись. В какой-то период смирился – любви нет. Перестало хватать сил на то, чтобы сопротивляться системе. Раньше сам писал пьесы, сам ставил. А тут от усталости завалился под начальство – ушел в классику и комедии. Использовал примитивные режиссерские приемы и сам не понял, как пришло творческое безразличие. И неизвестно, что бы с ним стало, но случилась Лена, которая встряхнула его, вывела из анабиоза. Вернулись былая решительность, вдохновение. В голове уже крутились сюжеты новых трагикомедийных пьес – любимого жанра, когда зрителя, благодаря спектаклю, сводили с ума эмоциональные качели.

Цветы, кстати, Вадим не любил, как и долгий поклон. Даже если ему спектакль удавался, на поклон, в отличие от актеров, выходил нехотя. Чувствовал себя нелепо в этот момент.

Департамент культуры, худрук и директриса театра к постановке его пьесы «Женщинам к просмотру не рекомендуется» отнеслись с опаской. Но он послал всех подальше. Актеры тоже сопротивлялись, играть не хотели. На Вадима жа-

ловались все. Но он был тверд. Это стало делом жизни – поставить спектакль о несостоявшейся любви.

И верить, что он еще увидит Лену. И извинится за свой обман.

В один из вечеров, когда хмель совсем закружил голову, а из питья осталась только водка, Вадим вышел из номера семнадцатого этажа московской гостиницы, оставив за дверью компанию выпивших коллег.

– Я тебе говорю, ты меня услышь, – звучало уже словно из другой вселенной.

– Это ты меня услышь, – вторило все оттуда же.

Вадим пошатнулся от неожиданной мягкости ковра, направился к лифту, решив спуститься на четвертый этаж за соком или колой. Лифт долго и бесшумно ехал вниз, Вадим следил за своим отражением в огромном зеркале – его оно явно устраивало, несмотря на взлохмаченный вид.

Дойдя до бара, он оперся на стойку, изо всех сил постарался казаться трезвым. Собрался и позвал тощего бармена в накрахмаленной рубашке, заказал две бутылки колы в стекле. Рассчитался карточкой и направился в номер. По дороге в пустынном холле, сотворенном из полумрака и махровой тишины, увидел светловолосую рыжеватую девушку в длинной куртке, больше ничего не рассмотрел, ему хватило – незнакомка показалась красивой.

– Привет, – алкоголь придал наглости. Вадим

перехватил бутылки колы, зажав горлышки сколь-зкими пальцами.

– Вы что-то хотели? – спросила девушка.

– Пошли ко мне, – выговорил мужчина, почти не запнувшись.

Вадим сам не понял, как они зашли в лифт, как он прижал ее к зеркалу, крепко обняв за талию одной рукой. Лица не видел. В отблеске зеркала перед его глазами предстал отражающийся женский затылок. А дальше свет стал чересчур ярким. Рассудок поплыл от скорой близости с женщиной. Левая рука ощутила желаемую плоть, а правая – холодное стекло бутылок.

Очнулся Вадим в пустой гостиничной комнате на двухспальной кровати в темноте. Зажмурил глаза – ничего не вспомнил. Открыл их снова – разглядел потолок.

Бутылки из-под колы валялись на полу.

Вадим похлопал себя по бедрам и понял, что лежит в джинсах. Рот пересох от перегара. Попытался припомнить, что было. От того, что воспоминания путались и выдавали какие-то сюрреалистические эскизы полотен Пикассо, обострялось чувство стыда. Погрузившись в себя, понял, что вопреки ситуации самочувствие очень даже ничего. Привстал. Заприметив на подоконнике сигареты, полез за зажигалкой в карман. Подцепил ее пальцами, а вместе с ней – листок бумаги.

Потянулся к телефону на тумбочке. Подсветил.

Ровный, умело вырезанный прямоугольный листочек в клеточку. Вадим прищурился, разглядел на нем цифры, каллиграфически выведенные си-ними чернилами. Восемь... Девять... Пять...

Вадим набрал номер – подсветка смартфона резал глаза, скорее поднес его к уху – услышал длинные гудки. Глаза начали закрываться... После третьего гудка отозвался женский голос. Вадиму он показался очень красивым и давно знакомым.

«Алло» прозвучало совсем банально. Непротрезвевший мозг вспомнили интонации роман-тических комедий и мелодрам.

– Вы же мне номер оставили?

– Неприличный вопрос вообще-то. Что ты звонишь мне среди ночи? Я уже сплю. Раньше не мог?

– А почему ты ушла? – боясь правды, Вадим все-таки решился и спросил.

– Ты охерел, что ли? Ты ничего не помнишь?

Повисла пауза. Вадим посмотрел на множество московских огоньков за окном. В приоткрытое окно рвался сырой февраль. Внизу шумела улица.

– Более-менее, – пробубнил уездный режиссер, тут же устыдившись своей невнятности. Вдруг припомнил, как его дружки, сцепившись, катались по полу, а он их растаскивал. Что-то они там не поделили. Кажется, спорили о творчестве

Шекспира, будь он неладен. Девушки уже не было, это он, проанализировав, осознал точно. От этого стало легче.

– Так помнишь или нет? Что ты, как мальчик провинившийся?

– Нет, не помню, – разозлился Вадим.

– С этого и начинал бы... Ты мне показался куда интереснее. Наверное, ошиблась. Первое впечатление обманчивое, – девушка замялась.

Несмотря на поздний час, голос ее не был сонным.

– Ладно, – грубо перебил мужчина женское возмущение. –

Приходи.

– Ну, ты реально охеревший? Я уже уехала.

– Так приезжай.

– Я за городом живу, если что.

– Говорю, приезжай, – с грубостью уже надавил Вадим.

– Двадцать тысяч.

– Что?! – после цены у Вадима в голове все точно встало по местам. Он подошел к окну, закурил. Москва сквозь призму еще пьяных глаз выглядела огромной картинкой из пазлов, местами неправильно собранных, вдавленных вопреки пазам в неподходящее пространство, границу которого обозначали сверкающие небоскребы. По одному из них сверху вниз пробегала белая полоска, словно шкала индикатора, непонятно чего показывающего.

Вадим залип на ее бессмысленном движении.

– Ты уснул? – девушка разрядила тишину. – Снов тогда.

– Приезжай, – Вадим открыл окно и, омытый сырым шумом столицы, попытался стряхнуть пепел. Пепел тут же влетел в номер обратно, попал на лицо.

– Переводи двадцать тысяч и жди.

– Ты охренела! – Вадим неожиданно взорвался, девушку этим не удивил, но испугал сам себя.

– Тогда все, котик, спи.

– Стоять.

– Так что?

– Давай за десять.

– У тебя что, нет денег?

– Есть...

– Ну, тогда не торгуйся, прошу, это так уни-жает мужчину.

– Слишком дорого.

– Так и скажи, у тебя нет денег.

Вадим не докурил, во рту стало противно. Табак реанимировал невыветренный алкоголь. Чаще всего в последнее время с деньгами было все хорошо. Но почему-то в такой важный для него момент у него осталось наличкой только двадцать тысяч.

– Есть, – как-то обреченно произнес Вадим. – Только наличка. Клянусь, я все отдам. Жду. Я в...

– Я знаю, где ты. Ладно, жди. Сейчас на этот номер переведи мне на такси тогда. Не забудь.

А главное, завари и выпей чай, я видела, он в номере есть. Понял?

– Хорошо, – ухмыльнулся мужчина. Еще недавно строгий и уверенный, так послушно отвечал какой-то шлюхе. Откинул телефон в сторону. Вспомнил про деньги, которые надо перевести. Добрался до смартфона. Перевел.

И снова отбросил. Чуть пошатываясь, начал подбирать пивные банки и окурки с пола. В номере нестерпимо воняло дымом. Распахнул все окна, запуская сырость зимней Москвы в свою берлогу. Огрызки колбасной нарезки на полиэтилене, куски сыра, крошки Вадим собрал ладонью в пакет.

Наведя порядок, как показалось при свете дальних огней, Вадим завязал пакет с мусором, откинул его в угол и решил принять душ. Дверь закрывать не стал, боялся пропустить приход незнакомки. Выдавив из маленьких гостиничных тюбиков в руку одновременно шампунь, гель и бальзам, начал растирать тело – с головы до ног, словно готовился к первому свиданию. Из лейки били горячие струи, обжигали тело, Вадиму показалось этого мало – сделал погорячее. Намывая голову покосился на дверь – не стучит ли кто. Пена попала в глаз – защипало. Он трезвел, и от этого ему становилось хорошо.

Вадим долго протирался полотенцем, предназначенным для ног. Потом глянул на свое атлетическое отражение –

крепкие руки, мощная шея, еще не старый.

И вдруг пробил смех: это же развод, она не придет – получила бабло за такси и крепко уснула. И обратно уже ничего не вернуть. Сука...

В дверь постучались.

Вадим не поверил. Тогда постучались еще. Он, обмотавшись полотенцем, вышел из ванны, включил свет. В глазах рябило. Отворил дверь, разделяющую его с неизвестностью. Посмотрел в темный и душный коридор. Сделал шаг назад. В номер вошла красивая рыжеватая блондинка все в той же длинной куртке.

– Как-то слишком быстро ты, сказала, что за городом.

– Тсс, – тонким указательным незнакомка коснулась пухленьких губ.

После ее отманикюренный палец надавил на выключатель.

И снова стало темно.

– Ну и вонища у тебя, – девушка сняла длинные сапоги на каблуках, по-хозяйски вошла в глубину номера, словно жена, внезапно вернувшаяся из командировки и заставшая мужа после бурной гулянки. – Слушай, хоре бухать. – Незнакомка взяла с подоконника пустую коньячную бутылку, так и не увиденную Вадимом во время уборки. – Где урна? – Девушка оглянулась. – А, вот. Что вы тут делали, не пойму.

Вадим присел на кровать.

– Слушай, ты точно охерела, – придя в форму, Вадим

почувствовал себя увереннее. Девушка прошла мимо него, сняла куртку и повесила на вешалку. Встряхнула длинные волосы, демонстрируя всю себя стройную, фактурную, в облегающем платье.

– Не, котик, – девушка прошла к окну, закрыла его. – Дует. А так это ты охерел, если что.

Я у тебя спросила мило, помнишь, в лифте: «Ты один?» Ты сказал: «Да». И куда меня притащил?

К пьяным мужикам с не очень, мягко говоря, культурными лицами. Кто это были?

– Коллеги мы, режиссеры.

– Они больше на бандитов каких-то похожи, – девушка неожиданно и робко присела на другой конец кровати. – Ты еще и режиссер?

– Да. И кажется, даже неплохой.

– О-о-о, ну ты даешь, котик.

– Бля, не называй меня так.

– А как тебя называть?

Вадим поправил полотенце, боясь обнажить лишнее.

– Вадим меня зовут.

– А по отчеству?

– Можно без отчества, – вырвалось зло.

– Как скажешь, – девушка выдержала аккуратную паузу, –

Вадим. Я Елена. Чем займемся?

Вадим, снова проверив на себе полотенце – крепко ли завязано на животе, достал из мини-бара бутылку швепса и

мартини. Подошел к столу.

Отыскал у чайника два чистых бокала. – Будешь?

– Ну, давай, раз ничего интереснее предложить не можешь.

– Ну ты и стерва.

– А ты алкаш с потерей памяти.

– Ты сразу же ушла? – Вадим налил Лене в стакан мартини. – Хватит?

– Лей побольше. Можешь не разбавлять.

Мужчина протянул женщине бокал. Налил себе до краев, разбавлять тоже не стал.

– За знакомство! – жестом предложил чокнуться.

– И ново, и свежо...

Вадим непроизвольно улыбнулся, узнав фразу

Чичикова из «Мертвых душ».

– Цитируешь классику?

– А ты думаешь, это только ваш удел? Режиссеров? – девушка сама чокнулась об застывший в воздухе бокал Вадима. – *In vino veritas!*

Сначала выпила Елена. Следом за ней мужчина. Нависла тяжелая предутренняя тишина. За окном контуры ночной Москвы начали расплываться.

Предрассветную чифирную муть разбавили первые солнечные лучи, и она стала похожа на детсадовский или армейский чай.

– Так почему ты ушла? – легкий и холодный алкоголь пре-

образил Вадима.

– Да потому! Что я тебе, думаешь, дура, одна среди таких морд находится? И вообще, смени тему.

Вадим в голове прокрутил несколько фраз, все они показались логичными, но он ни одну из них не произнес, так как в эту ночь он не хотел ничего логического. Он опустил взгляд на стройные, вытянутые вперед ноги Елены. Подумалось: интересно, они в чулках или в обычных колготках.

– Если что, – улыбнулась Елена. – Я тут с тобой не бесконечно. И еще ужасно хочу спать.

– Поспи тогда.

Девушка допила залпом остатки мартини, поставила стакан на стол. Посмотрела на Вадима.

На этот раз, он сразу заметил, взгляд ее был куда мягче.

– Не, я так не могу.

– Не переживай. – Вадим подсел к девушке, приобнял. – Поспи, если стесняешься, не раздевайся. Хочешь, я отвернусь.

Вадим говорил и говорил, осознавая абсурд своих слов, но остановиться не мог. Лена ему напомнила о любви, которую, казалось, невозможно уже повторить. А вдруг возможно? И этот дерзкий голос. И нежный, и грубый одновременно. После фразы «хоре бухать» Вадиму стало плевать на потраченные деньги, оно того стоит. Он не слышал этой фразы полтора года. И полтора года прожил без любви. И вот она к

нему вернулась в лице дорогой проститутки столичного отеля. Неужели счастье снова случится?

Мужчина мягко погладил по плечу съезжившуюся, словно от озноба, девушку. Коснулся носом теплой и душистой шеи так же, как касался первый раз ее.

– Я сейчас тебя боюсь, – произнесла Елена.

– Почему?

Они в обнимку повалились на кровать. Вадиму стало все равно уже на набедренную повязку.

– Я – это словно не я, – произнесли губы. – Ты смотришь на меня, а не на меня, понимаешь? Куда-то...

– Куда-то в прошлое, – продолжил Вадим.

– Да.

– Ты напомнила мне одну... Ты совсем не похожа, но напомнила, я не знаю, – Вадим провел носом по щеке девушки, робко поцеловал. – Я ее люблю.

– Знаешь, – девушка отстранилась, хотела заплакать, но засмеялась. – Как прекрасно! Рада за твои такие чистые чувства.

– Что с тобой, не пойму?

– Блядь, ты не понимаешь? Ладно, – девушка привстала, ловко расстегнула со спины платье. То плавно, как в замедленной съемке, сползло вниз.

Елена осталась в нижнем белье. И все-таки оказались чулки. Шагнула из упавшего платья, словно на эшафот...

За ее спиной вдали сияли небоскребы, свеи зи окон под-

свечивал красивую в чашечках лифчика грудь.

По одной из высоток все так же сверху вниз бегала белая шкала.

Елена прилегла рядом с Вадимом.

– Если бы ты знал, как мне деньги нужны.

– Зачем?

– Молчи... Пользуйся... – грубо и с досадой сорвалось с женских губ, которые тут же с жаром коснулись крепкой груди.

Вадим поджал под себя девушку. Та изобрази-ла удоволь-ствие.

– Она делала так?

– Делала.

Дальше руки Вадима потянулись к лифчику.

Щелкнула застежка. Елена издала тихий стон, приподнялась, чтобы удобнее было его снять. Она понятия не имела, почему она так похожа на ту, которую она ни разу не видела. Елена, сама того не желая, предугадывала движения Вадима, но всячески им сопротивлялась. Но борьбы между ними не получилось. Вадим не осознавал ничего. Он был уже в июньской ночи, на той летней высотке московской окраины в объятьях женщины и за пару минут до счастья.

Он тогда опоздал на поезд, дела перенес на непонятный срок. Она позвала его к себе. И они наслаждались друг другом, осознавая, как бывает прекрасно, когда у мужчины и женщины одновременно срываются планы.

– Я ничего не понимаю, – со слезами вырвалось у девушки.

Вадим тоже ничего не понимал.

И она – кудрявая и хрупкая – сквозь стон повторяла: «Я ничего не понимаю».

И не было зимы, только долгое лето в утренней дымке и состоявшееся счастье. Первые лучи солнца, теплое утро, на скорую руку заваренный чай. Не стоишь на семнадцатом этаже, а летишь выше и выше – открываются простор столичной периферии, косые крыши частного сектора, поросший посадками горизонт, необъятный июнь. А за спиной – неторопливые слова и нежные женские объятия.

Прошлое прокручивалось дальше, где-то ускоренно, где-то замедленно, но все же достигало финала. И вот уже август, она гордо уходит от него навсегда по проселочной дороге. Дома с желтыми окнами по краям, последние дни августа, звездная ночь. Кудрявая, в легком платье – отдаляется все дальше и дальше.

Елена смотрела с балкона на засыпающую окраину, огоньки машин редели. Проехал по дороге длинный автобус для рабочих депо. Небо заволакивали облака.

Бессонница, как обычно, начиналась к утру.

Вроде бы ничего и не тревожило, просто не спалось – и все. Голова была пуста, из мыслей – только завтрашний рабочий день, не более того.

Открыла планшет, попробовала почитать какие-то тексты, сохраненные для досуга. Начала «Эвридику». Не пошло. Какая-та ерунда. Прав был Ремарк: в бессонницу человек не может ничего делать, кроме как не спать.

Вспомнила о нем. Плюнула. Ничего хорошего не пришло на ум. И зачем он был вообще нужен?

Вадим никогда ей не нравился. Просто возник в такой момент жизни, когда хотелось тепла.

Она вернулась к кровати, где спал ее любимый человек – правильный, красивый, даже выбритый еще со вчера. Хотя его щетина никогда не оставляла раздражения на коже. А щетина Вадим оставляла.

И все у них было: рестораны, цветы, вечерние прогулки на яхте.

Она знала, что ее красота и острый ум для этого мужчины являются большим подарком. Никто и никогда так к ней бережно не относился. Его правде нет смысла возражать. С его мыслями нельзя не согласиться. Такого невозможно не полюбить.

Легла под нежную руку, бережно ее поднимая.

Одеялом укрываться не стала. Тело возлюбленно-го показалось холодным. Попробовала с боку на бок – все как-то неудобно. Сон не шел. Про Вадима лучше и не вспоминать. Но он, сука, как ни обнимет, сразу делается спокойнее и хочется заснуть, отключиться до утра, а после очунуться и не

шевелиться, готовиться к очередному расставанию.

Нет, это все в прошлой жизни. Лучше закрыть глаза по- сильнее – сначала будет темнота, потом болезненные искры, а дальше – забвение. И он обязательно не приснится.

Но как ни старалась – со не шел, так и пяли-лась полночи в высокий потолок.

И по новой наваливались воспоминания: вот снова видит, словно на экране, идущую себя в сторону дома в легком платье; свет окон – с одной стороны и с другой, над головой августовское небо, полное звезд.

Она ненавидит себя, ей стыдно перед всем миром. Во что она ввязалась? Почему этого следа от кольца на пальце она не заметила раньше.

Значит, ему хватало подлости снимать его за несколько дней до встречи, куда-то прятать. А сейчас она приехала в его город, хотела сделать сюрприз, и тут он прокололся.

Не сразу она обратила внимание на след на правом безымянном. Они спокойно ужинали в ресторане. Вадим, как обычно, наглед, но ему шло.

Ей делал горячие комплименты. Она даже пыталась поинтересоваться его творчеством – потом на какой-то миг стало действительно интересно.

Но вдруг в пылу разговора он поднял палец к щетинистому подбородку. Она посмотрела на руку. И обрушился мир. В животе все сжалось. Она поняла, что та вечерняя музыка столицы в ней больше не зазвучит. И снова тихая пустота,

как было до того, как он появился.

– Лен, ты не так поняла, – начал он тупые оправдания. – Я давно с ней не живу, просто раньше снимал, чтобы тебя не смущать.

Вадим был жалок – от уверенного в себе мужчины не осталось и следа. После резкой боли сделалось легче, так как поняла, теперь-то его она точно любить не сможет. Дальнейшая жизнь будет без него, как она себе ее и представляла.

Стало стыдно за него и за себя – дуру в красивом платье.

– Прошу, не провожай меня, – сказала Лена. – Умоляю, пожалей меня.

После девушка заплакала, хотела, как обычно, положить голову ему на плечо, опомнилась, побрезговала. Попробовала встать, поняла – ноги не держат. Вадим ей помог подняться.

Мелькал свет, шумела музыка, приглашенный музыкант пел про упоительные вечера и хруст французской булки.

Ей, как никогда, требовались его крепкие и теплые руки, но сейчас их невозможно было выносить, ощущать возле себя. Вадим погибал, когда открывал Елене дверь авто, чтобы она вышла из такси на улице родного поселка. Вместо ночи, полной страсти, она выбрала ночевку у родителей. Вадима всего трясло, он бы все отдал ради одного слова из ее уст: «прощаю».

Прощения быть не могло.

Заря осветила Москву. На широком экране телевизора от-

разились мужчина и женщина на кровати. Лена прижалась к возлюбленному, терпя неудобства и стараясь не шевелиться. Через час будильник заиграл знаменитую французскую песню о любви.

Она вылезла из-под руки мужчины, вздохнула, пора было собираться на работу. Вдруг осознала – выходной же. Со всем потеряла счет дням. Это все от счастья, убедила себя Елена, после легла на живот и уткнулась в подушку. Вздрагивали ее красивые лопатки, торчащие из легкой, кружевной ночнушки.

Ее ожидал долгий и нежный воскресный день с любимым человеком.

Стиснув зубы, Вадим бросался за ней раз за разом, стараясь вырвать из прошлого свою любовь.

Он погружался все глубже. Но как бы он ни старался, счастье ускользало. Кудрявую девушку было уже не догнать.

А Елена уже не стонала, она мычала от боли.

Слезы текли по щекам. Она клялась себе, что это в последний раз. Больше никаких и никакого. Девушка со всей ненавистью впивалась в широкую спину мужчины, который ей даже успел понравиться в первую минуту знакомства, которого она успела уже возненавидеть на всю жизнь.

Толчок за толчком. «Вот после этого я скажу “прекрати”, – думала Елена. – Вот сейчас точно... Я скину его... Прошу, не надо». Но она только безропотно смотрела на погрязшего в яростной страсти Вадима и боялась.

Вадим вспоминал все самое нежное и грубое, накопленное за время разлуки.

И, потеряв контроль, навалился всей тяжестью на женское тело, вдавив его в белые простыни широкой постели.

– Я по тебе не могу. Я без тебя никак. Я тебя... – тараторил Вадим, не понимая, это он думает или проговаривает вслух.

Когда все закончилось, Вадим открыл глаза. Мертвой хваткой прижал к себе Елену, не оставив ей шанса вырваться. Улыбнувшись своей несостоявшейся любви, закрыл глаза.

Руки разжались только после сна – девушка тут же выскользнула из его объятий. Вадим внимательно наблюдал, как рыжеватая блондинка медленно встает, подбирает с пола лифчик, поворачивается к нему спиной и красиво замирает, как памятник женскому одиночеству, возведенному перед сырой, бульварной, подсвеченной холодными огоньками Москвой. Елену освещал розовый рассвет, а она искала себе оправдание – ей больше всего хотелось себя простить. Внизу с шумом просыпалась столичная жизнь.

Небоскребы погасли. Бегающая подсветка, как шкала индикатора, остановилась на высших этажах.

Вадим, обмотавшись полотенцем, добрался до куртки, вытащил из кошелька последнее – три пятитысячных купюры и пять тысячных, протянул их уже одевшейся Елене.

– Спасибо.

– За что?

Девушка ощерилась, словно пантера, – мужчина дрогнул.

Елена взяла деньги, смяла обеими руками и швырнула Вадиму в лицо.

– За... – хотел было поинтересоваться предутренний клиент.

– Как вас по отчеству?

– Васильевич, – недоуменно произнес растерявшийся режиссер.

– Меня сегодня с вами не было, Вадим Васильевич. – Елена хотела сдержаться, но не смогла.

– Лучше передай эти деньги своей шлюхе. Она неплохо в эту ночь отработала.

Девушка вышла, не оставив за собой даже аромата духов. В номере снова запахло перегаром и куревом. Вадим топтался босыми ногами на смя-тых купюрах, понимая, что любви с ним сегодня уже не случится. Через два часа ждал поезд. И он точно знал, что на него успеет.

И потянулись долгие дни, внутривосточная нестабильность страны отвлекала Вадима от себя самого. Он охотно впитывал в себя мнения разных сторон, садился за исторические книги, занимался анализом событий. Набрасывал материал для новой пьесы, где уже хотел замешать любовь и политику, страсть и безразличие, восхищение и отвращение.

Но в душе понимал, что все зря – поставить это ему не

дадут, а другие театры не купят. Они берут его пьесы с удовольствием, но только комедии, где все просто, где в итоге правда побеждает ложь, а любовь – разлуку.

А жизнь требовала иных решений.

Вадим на одной из театральных встреч в провинциальном городке с пятью церквями накатил водки, почти не закусывая, и быстро поплыл. Провинциальный театральный мир отмечал закрытие международного фестиваля. «Тоже мне, международный – позвали Белоруссию и Украину, просто весь мир», – про себя ехидничал Вадим. Вспомнил, что он выиграл гран-при этого торжества лицемерия.

Его «Эвридика» произвела впечатление на критиков.

А одна милая бабулька сравнила Вадима по почерку с величайшим Эфросом. Режиссер слушал хвалебные речи и умирал со стыда.

Потянулся к рюмке, молча налил, выпил, закусил укропом. От горячего жульена, бережно поданного официантами в белых рубашках, тошнило.

Порезанные тонкими дольками яблоки и апельсины казались бутафорскими: надкусишь – краской и пластиком подавишься.

Сидящие за столиком покосились на Вадима.

Он понял, что в фривольно расстегнутой рубашке выглядит нагло и вызывающе.

Рядом заговорила молодая режиссерша – и тоже, как назло, Елена. Яркая блондинка с бесстыжими глазами стояла

с бокалом вина, из которого не было сделано и глотка. Плечи, тонкие ключицы и красивую шею подчеркивало декольте красивого вечернего платья.

«Такие разные Елены украшают мою жизнь», – пошутил про себя Вадим, потом поймал на мысли, что хочет поцеловать шею режиссерши – женщинам это нравится.

– Нет, я буду спорить. Одна из важнейших вещей в театре – это любовь, – говорила Елена, польщённая вниманием гостей.

– Любовь к алкоголю, – Вадим ухмыльнулся.

Толстый и с бородкой режиссер непонятно какого театра покосился на захмелевшего коллегу.

Две какие-то тетki с бусами на пышных грудях хмыкнули. Ничего не сказали, но всем видом показали, как им отвратительно поведение Вадима.

Зал зашумел, актеры уездных театров чокались, хвалили друг друга за талант. Заиграла песня «Как упоительны...». Особенно захмелевшие начали подпевать. Мурашки побежали по спине Вадима.

– Вадим, мы ценим ваш юмор, конечно, – начала режиссерша, поставив бокал. – Но если серьезно, то разве это не так? – Жесты Елены были импульсивными и ломанными. – Сколько великих драм написано, и в большинстве из них главная – тема любви.

– Да, трудно с этим поспорить, – понимающе согласилась женщина и выпили коньяку из тонких стопок.

– И вот я про это. Вы же сами «Эвридику» ставили. Не мне вам объяснять, что там... – Елена подняла бокал, сделал глоток вина, облизав чуть обветренные губы. – Какая основная тема? Ну, можете не отвечать – тема любви. Так что...

Вадим отмолчался – показаться глупым он не боялся, ему захотелось пошлую женщину по профессии «режиссер», говорящую о любви. Устыдился своего желания. С чего это вдруг? Странная догадка пришла в голову: наверное, имя Елена – последний осколок, что остался от разбитого счастья, к которому можно было еще прикоснуться.

– Вадим, вы очень талантливый, – зачем-то начала Елена. – Ваша «Эвридика», конечно, – это большой шаг вперед. Скажу честно, как женщина, до этого я у вас ничего подобного не видела, это ваш лучший спектакль. Сразу видно, что по-настоящему делали, от души. От всей вашей русской души, – добавила режиссерша с еврейской фамилией.

Песня, казалось, пошла по кругу.

Вадим и не заметил, как рука какого-то заботливого человека налила ему водки. Он чокнулся со всеми, подобрел, еще не успев опрокинуть рюмку.

А употребив – возрадовался, тщеславие кружило голову. Он почувствовал себя гением – своим среди окружающей тошноты.

– Я так бы никогда не позволила о себя ноги вытирать, – говорила одна женщина, когда дело дошло до обсуждения недавно просмотренного спектакля.

– И я, и я не позволяю, – тут же перебила и продолжила ее подруга, словно боялась, что не успеет произнести важную для себя мысль.

Дальше вечер пошел по обычному сценарию: после определенного градуса еще недавние комплименты обернулись оскорблениями. Режиссеры начали цапаться с актерами.

Вадим не выдержал и вышел на улицу чужого города. В гостиницу идти не хотелось. Прикурил у мужчины, стоящего у стеклянных дверей ресторана. И побрел по пустой улице города с пятью церквями.

Он прошел мимо одной церкви, второй и третьей, далее, поднявшись в гору по центральному проспекту, выбрался к церкви с тремя широкими куполами и высокой часовней, закрывающей часть яркой луны. В высоте арочного проема чернел медный колокол. Показалось, что там шевелятся какие-то тени, которые хватанут веревки и начнут трезвонить.

Вадим двинул вдоль церковного забора – заостренных металлических прутьев, выходящих из песчаного цвета кирпича, выложенного полуovalом.

Фонари тускло освещали узкий тротуар. Увидел впереди человеческую активность. Взмыли ввысь голоса с кирпичной мостовой, словно стая ворон, растворились в черном небе. Проехала по дороге KIA с надписью «Яндекс» на двери. Из приоткрытого окна звучало все то же: «Как упоительны в России вечера...» Эта песня его догоняла, куда бы он ни шел. Вадим гневно сплюнул на тротуар, сам и не заметил, как пе-

ред ним оказалась женщина в черном. Тремя перстами она крестилась и бормотала что-то невнятное, глядя на крест в вышине. Смоляная прядь волос выбивалась из-под черного платка.

Вадим встревожился, разом протрезвел, обошел женщину, стараясь держаться от нее как можно дальше. Быстрее пошел вниз по дороге в сумрачную перспективу улицы. Хотелось обернуться – не преследует ли его женщина, но голова вжалась в плечи и не в силах была повернуться.

Ветер заиграл в проводах. В мусорке на углу закопошились крысы. Дорогу перебежала драная дворняга, пахнувшая керосином. В конце улицы был недостроенный переход. У парапета толпились люди кто-то в казачьей форме, а другие в черных футболках и фиолетовых шарфах. Какая-то чушь: что они здесь делают среди ночи?

Все-таки решился, обернулся – нет ли кого за спиной. Зашел по дороге в маленький магазинчик с бледными витринами. Пока продавщица искала нужную бутылку пива в холодильнике, уйдя в подсобку, Вадим смотрел сквозь стекло на беснующийся народ.

Один крупный человек с фиолетовым шарфом на шее что-то агрессивно спрашивал у молодых парней, чувствуя за спиной поддержку товарищей.

Выйдя на улицу, зажигалкой открыв бутылку пива, Вадим остановился.

– Вы зачем сюда пришли? – допрашивал парней, похожих на студентов, здоровый и лысый мужик.

– Просто фонариками посветить, – робко оправдывался доходяга.

– Знаем мы ваше «посветить», – взбеленился амбал в горке, вмешавшийся в разговор. – Домой идите.

– Вы не имеете права. Если что, у нас свободная страна.

– Рано вам еще о свободе говорить.

– Мне восемнадцать есть.

– Паспорт показать? – выкрикнул парень в кепке из группировки молодых.

Амбал толкнул подростка, тот отлетел, словно кукольный. Друзья за спиной не дали ему упасть.

Молодой в кепке достал сотовый и, попятившись, начал снимать.

Вадим, пошатываясь, подошел к патриотичной толпе, предупреждающую митинги против власти.

– Отстань от него, – заявил он амбалу.

– Иди отсюда!

Вадима толкнули спереди, сзади. Обозвали алкашом. Пока внимание перешло на провинциального режиссера, подростки успели отойти в сторону. У каждого были в руках сотовые, направленные в сторону назревающего конфликта. С пьяной лихостью, но довольно четко, Вадим ударил первого попавшегося. И, пригнув голову и протолкнув амбала к горке, прорвался ко входу в подземный переход. Он был на

ремонте. Темное нутро его пахло отсыревшим бетоном. Мужики в папахх хотели было кинуться ему вслед, покрывая матюгами, но брошенная под ноги бутылка их остановила.

Осколки глухо разлетелись по асфальту.

Сначала Вадим пятился задом, спускаясь вниз по ступенькам. Но потом понял, что в его сторону никто не наступает, развернулся и заторопился в темноту перехода не слыша собственных шагов.

Среди почерневших стен все казалась та молящаяся женщина без лица. За спиной грянул надрывной гимн страны из патриотических глоток.

«Вот я – Орфей, твою мать.... Спускаюсь за своей Эвридикой в ад».

Выпитое пиво снова задурманило мозг, вернуло в отчаянное опьянение. Да, если ему, как Орфею, удастся пройти сквозь этот ад, она к нему вернется. Главное – только не обернуться.

И жизнь вернет его в прошлое, а он там сможет все исправить: снять это чертово кольцо за несколько дней, натереть палец мылом, разгладить след, а потом спокойно признаться, выбрав удобный момент, что он женат, но это ничего не значит, он в скором времени разведется и женится на ней.

И да, Елена бы сначала послала. Но это нормально.

После Вадим добился бы своего. Когда ты чист душой перед женщиной, то для нее легко совершать подвиги. И он

был к ним готов. И она их ждала.

Вадим уходил дальше. С потолка капало, бетон под ногами кончился, последовала земля. Только не обернуться – иначе все, она враз растворится.

А пока Лена следует за ним.

– С тобой я почувствовала себя женщиной, – услышал он ее слова.

Хотел был повернуть голову влево – сдержался.

Ногой споткнулся о кирпичи, достал сотовый, экраном осветил себе дорогу. Спустя пару секунд пнул баночку пива – та бесшумно закатилась за свет. Ноги проваливались в липкое и неприятное, шаги давались все тяжелее. И крошечная темнота, казалось, не кончится. Но вот показался свет, нарисовался горизонт. Ад пройден, уже совсем близок выход в жизнь. Вадим выключил сотовый и спрятал в карман джинсов.

За спиной послышалось сопение и кашель.

«Нет, только не сейчас», – подумал Вадим; оборачиваться не стал, поверив в свою пьяную причуду, как в истину.

Послышались шаги нескольких пар ног, преследователи явно ускорялись. Служители царства Аида догоняли. Они не могли просто так отпустить Орфея, дерзнувшего увести Эвридику. Вадим заторопился, врезался в прогнившего деревянного козла, оттолкнул от себя, перешагнул через обломок поддона. Вот выход – рукой подать. Земля под ногами снова сменилась плиткой. Луна засияла в небе.

– Не оборачивайся, прошу, – умоляла Лена за спиной.

– Стой, тварь, – перебил мужской голос.

Они были совсем рядом.

Вадим зажмурился. Не обернулся.

Раз ступенька, два ступенька, три... Купол искрился, озаряя ночь, веяло свежескошенной травой, издалека доносился французский шансон – никаких «Как упоительны...». Осталась пара шагов. Вадим протянул руку, чтобы попытаться схватиться за новую жизнь, как за стальной прут: сжать крепко кулак и окончательно вытянуть себя силой на свет.

Вадима сильно ударили по голове, в глазах закружились стекляшки калейдоскопа, размывая пространство. Еще и еще... Рядом заржали. Восстановившись от нокдауна, Вадим рефлекторно обернулся. Перед ним стояли лысый и амбал.

Лены не было... Она, взмахнув на прощание рукой, – Вадим не увидел, но точно почувствовал, что так и было, – растворилась в темноте.

– Ты чего, мразь? – сказал мужик, обнажив кривые зубы.

Вот он – прислужник Аида.

Вадим с яростью всадил в него кулаком. Ему уже было все равно. Он повалил тело и бросился его избивать, после затянул на его шее шарф, чтобы задушить. Удары ногами полетели ему в голову.

Защищаться дальше уже не было смысла. Вадим увидел, что неподалеку зажглись фонарики, их лучи устремились к небу.

Его не было дома, уехал в командировку. Елена сидела на балконе и смотрела на застраивающуюся московскую окраину. Все меньше оставалось пустыря, все больше добавлялось многоэтажек.

Она взяла с подоконника айфон, тонким пальцем поводи-ла по экрану. Странно, почему она до сих пор не удалила его номер? Подумала о нем, вспомнила все лучшее, улыбнулась. Вдруг поняла, что совсем не случайно нажала вызов. Жен-щина сосредоточенно подышала в ладонь, боясь саму себя.

Резко сбросила. Вызов так и не состоялся. После этого Елена откинула сотовый на стол и первый раз за долгое вре-мя пошла спать, не заплакав.

Давно завязавшая со своей работой Елена вошла в теат-ральный зал со своим мужем, незаметно для него посмотре-лась в зеркальце, аккуратно убрала с лица светлую чуть ры-жеватую прядь волос. Об этой премьере долго говорили и писали, она купила два билета за месяц, муж не хотел, но ради любимой женщины согласился.

Они протиснулись через зрителей к середине партера, разместились в мягких креслах. Прозвучал третий звонок, а затем аудиообращение с просьбой отключить сотовые. Кра-сивый муж в костюме взял ее нежно за руку. Они смотрели друг другу в глаза.

И, может быть, глядели бы еще, но свет начал плавно гас-нуть. Зал погрузился в темноту. Раздались аплодисменты. Со сцены вверх выстрелили лучами многочисленные фона-

рики.

Полностью разочаровавшись в спектакле, Елена с мужем в антракте покинула театр. Премьера «Женщинам к просмотру не рекомендуется» ей совсем не понравилась.

Мразь

1

Улицу от поля и края соснового леса отделяла теплотрасса и железная дорога. По ней проходили поезда на юг – двигаясь в сторону вышки, которую местная детвора прозвала стальной башней. Возвращающиеся с речки, огорода или лесной остановки местные внимательно смотрели на окна проносящихся вагонов, откуда выглядывали бледные лица людей, чаще всего из столицы, замученные каждодневной работой, мечтающие о загаре и морской воде хотя бы раз в году. Посельчане им не завидовали и не сочувствовали, они постоянно видели ускользающие микрожизни пассажиров и воспринимали их как само собой разумеющееся.

Местный пейзаж прочно сросся с регулярно проносящимися пассажирскими составами, что казались для всех некой голограммой, которая строго по графику является из другого измерения и, бесследно исчезая за лесным поворотом, возвращается обратно.

Он, измотанный неурядицами в личной жизни, первым нарушил дистанцию пространств, ему тогда было тридцать шесть, подобрал камень в траве и швырнул в стекло прохо-

дующего вагона. Сам не понял, что нашло. Сдали нервы. И без того трясло весь день. Бросок получился сильный, рука, когда-то освоившая уроки бокса, не подвела. Симпатичная женщина отскочила от окна, взвизгнула.

Толкнула локтем граненник в медном подстаканнике, он опрокинулся, чай пролился, обжег спящего соседа в белой майке; парень от резкой боли вскочил с полки и заорал матом. Человек у путей его не услышал, так как пострадавший вагон умчался вдаль. Нарушитель остался доволен. Ему не стало легче, но боль сделалась другой – какой-то более понятной.

После этого у ребятни на улице появилась веселая забава – обкидывать камнями или гранитным щебнем проходящие поезда. Оттого что всегда приходилось быть начеку, чтобы не попасться железнодорожнику или кому-нибудь из взрослых, дети теряли чувство опасности от азарта. Им стало ясно, а после них и всем остальным, что столько лет явление, казавшееся голограммой, – и не голограмма вовсе, а самая настоящая реальность.

Поселковая атмосфера проникала в разбитые окна вагонов, а оттуда в ответ вылетали бутылки и банки из-под пива как напоминание о сиюминутном гневе. Но долго не задерживались: малолетние коллекционеры их охотно собирали и тащили домой.

Он вернулся под вечер в свой осиротевший дом, который находился возле переулка. Включил телевизор – там шли но-

вости. Ведущая, нагнетая страсти, рассказывала о последствиях несчастного случая, что произошел на полигоне в Белом море при испытании жидкостей реактивной двигательной установки.

Он присел в кресло и печально смотрел в экран.

Может быть, месяц назад его и взволновала бы эта новость, как-никак там, далеко на учениях, погиб Юрий – уже капитан третьего ранга, его односельчанин. С ним когда-то учились в одном классе.

Он был круглый троечник, задиристый, но в целом надежный. Каждый летний день до девятого класса с ним на рыбалку ездили.

По стране Юрия уже объявили героем, но в поселке как-то скептически к этому относились. Герой? За что? За то, что просто погиб? Памятник еще ему теперь поставьте. Сказывалось то, что его знали многие лично и с героем сопоставить никак не могли, работал принцип «нет пророков в своем отечестве».

Ему сделалось совсем тоскливо. Он зажмурился... Последнее было услышано: «...радиационный фон остается в норме».

Развод, все подписано. Жена уехала с детьми в другой город. А главное – с кем? Работником рынка, мясником, с утра рубящим тесаком привозные туши свиней и коров.

Он переместился на старенький диван с деревянными ручками, обернутыми потертой тканью, лег поудобнее, уви-

дел в трюмо свое отражение – не старый, атлетичный, интеллигентного вида человек без вредных привычек. Нет, ну на общем застолье опрокинуть одну-другую рюмку может, но не больше. Ведущий инженер радиаторного завода: год-другой – и он уже в главном штабе конструкторов. Второй год на доске почета заводоуправления. Победы заводской команды в футболе и боксе.

Что не так? Он поглядел в окно: подняв пыль, по улице проехал Семилетов Ромик на своей «девятке». Почему от него никто не уходит: толстого, противно сопящего, как под-свинок, вечно бегающего налево? Со всей улицей переспал, с кем мог.

Ни одной бабы не упускает. И дети есть, и жена красивая. Неужели все дело только в деньгах? Но у этого грузина и денег нет. Во всяком случае, ему хотелось, чтобы так было. Вспомнил его волосатые руки, белый, запачканный кровью халат, щетину – сделалось совсем противно. Как она могла с ним целоваться? Он закрыл глаза и вспомнил ее слова:

– Ты хороший, ты очень хороший, – говорила она, поправляя рыжую прядь волос, хотела что-то сказать еще, не получилось, поэтому повторяла снова. – Хороший, хороший. Просто так будет всем лучше.

Он понимал, лучше будет ей, ему не будет.

С нарастающей болью созерцал свою рыжую жену, давно друзья шутили – рыжие всегда гуляют, он не обижался, даже

не придавал подколкам значения. Ему думалось, что старшая дочь вся в нее, те же ужимки: хочет что-то попросить – сразу не говорит, хитрит, все намекает и намекает.

«Хороший, хороший» звучало в ушах все звонче и звонче. Он понимал же четко одно: хорошие созданы, чтобы их унижали. За окном вечерело, в форточку ветер заносил аромат соседского навоза.

Захотелось выпить вусмерть. Хороший? Что может быть омерзительнее? Хороших бросают, на них ездят, ими пользуются, они за все отвечают. Вспомнил про очкастых коллег по работе: случись ошибка в чертеже – никто не решится взять на себя ответственность, лишь бы на другого свалить, в стороне остаться. А он, произойди что, честно признается, пообещает все исправить и... И так все выходные исправляет. Может, она ушла от того, что вечно пропадал на работе? Она все с детьми и одна. И туда...

И сюда... Так и появился этот грузин с городского рынка. – Чем он лучше меня? – надрывался он, не понимая происходящее.

А она отвечала, и рыжая прядь красиво закрывала то один, то другой глаз.

– Нет, ты гораздо лучше. Я тебя не заслужила даже. Мне с тобой повезло. Ты очень хороший.

Хороший, хороший. Просто так вышло, я не могу больше. С детьми ты можешь каждые выходные видеться, я только рада буду, и он... – она оборвала судорожную речь, так и не

договорив.

На улице становилось сумрачнее, комары жужжали все назойливее, водка пила медленнее – поначалу даже тяжело. На лице отразилась преж-девременная усталость от скучно прожитых лет.

Он пил под виноградником на крыльце: выставил табуретку, накрыл ДСП – получился столик. Свежие огурцы нашлись в огороде, компота из красной смородины оставалось много – жена в прошлый год накрывала с запасом.

Фасад еще пах свежей краской, дом после ремонта был одним из лучших на улице. Особенно сварливые жены ставили его в пример своим мужьям: мол, гляньте, как там у него – и покрашено все, и забор ровный, и грядки с капустой аккуратные. Когда по делам заходили во двор попросить на время какой-нибудь инструмент, трудно было не полюбоваться сараем: ровненький, прибранный, пахнувший свежим деревом, все по своим местам. А с торца – аккуратная поленница, все дрова одинакового размера, словно с одного конвейера.

После пятой он решил, что точно в эти выходные навестит дочерей. Как они вообще уживутся с этим мудаком чернявым? Он все уже нафантазировал наперед: как этот мясник будет стараться наладить отношения с чужими детьми, задабривать подарками, покупать каждый день шоколадки, нелепо шутить. Неужели они могут на все это повестись? Они не дуры же... Но мать же их повелась.

Лживый грузин, весь манерный и неестественный.

Конечно, сначала будет романтика. А потом? Кто он вообще? Приезжий с гор работник рынка. Мясник – одним словом!

Алкоголь пьянил, не расслаблял тело, но дурманил голову. Груз с души медленно сползал во внутреннюю бездну.

– Привет, Витек, – крикнула баб Маша – томная, сутулая, полная, в размалеванном платке на голове, проходившая с сумкой-тележкой по улице.

Она облокотилась на калитку.

– Нормально дела, – ответил Витька, понимая, что язык его не сильно уже слушается.

– Уехала все-таки... – баб Маша тяжело вздохнула. Конечно, она обо всем знала, как, впрочем, и весь поселок. Подобные новости расходились быстро, обрастали сплетнями и слухами, превращаясь в очередной уездный миф, обсуждаемый бабками, женщинами, а то и мужиками на пятаке или у магазина, или на очередной пьянке.

– Да, – неожиданно вырвалось у него, он сам даже не ожидал.

– Ну, ты давай не дури главное, – баб Маша указала на открытую бутылку. – А то сам помнишь, скольких эта херня уже под косу отправила.

Вон Миха какой мужик был, а Андреич, Митька...

Баб Маша начала перечисление всех ушедших по синей лавочке: кто утонул, кто замерз на снегу, кто провалился в

колодец у депо, а кто просто вовремя не похмелился.

– В общем давай, Вить, говорю, не дури. Беда-то и не беда. Молодой еще, все впереди. Еще этих баб будет. Да что я тебе рассказываю? Сам все понимаешь. Ты мужик хороший.

Дальше он ничего не разобрал, словно и не про него говорили. «Хороший» – ухмыльнулся он, ага-ага. Представил, что в понедельник ему выходить на работу, слышать подбадривающие слова товарищей. Сделалось еще тошнее.

И все терпимо, только не говорите это «хороший-хороший».

Баб Маша ушла, укатив за собой сумку-тележку.

– Хороший, – Виктор налил себе рюмку.

На улице зажглись на промасленных столбах фонари. У соседей заиграла музыка, включили радио – пятница, после работы к Семеновне съехались дети, внуки, в общем, как и обычно. Девушка пела – задавался вопрос «но почему?».

Эту песню он уже слушал. «Но почему?» – с эмоциональным напевом продолжала задавать вопрос певица.

– Похую! – грубо и вслух ответил он, подивясь своей грубости, вырвавшейся изнутри.

Бабки с улицы вышли к сваленным доскам у посадок на бревно. Подойдя к калитке, Виктор их заметил. Представил, что баб Маша рассказала им, что ушла точно. Сейчас сидят и обсуждают. Алкоголь обострял и открывал новые чувства, до этого для него чуждых и диких. Неожиданно злость, которая зародилась в его голове, доставила Виктору удоволь-

ствие. Он отворил калитку, двинулся к дороге, встал под сливу и с удовольствием начал поливать тонкое деревцо мощной струей. Дурацкая улыбка скользнула по губам. Журчание бабки услышали, но сделали вид, что ничего не заметили.

Вот, смотрите соседи, бабки на пятаке и все, кто пожелает: это я, Виктор, золотой медалист, спортсмен, инженер, человек с доски почета заводоуправления; один из лучших выпускников школы – гордость отца и, наверное, матери; победитель региональных олимпиад по математике, бронзовый призер области по боксу среди юниоров в полусреднем весе. В жизни же он никогда не дрался, все конфликты избегал – терпеть их не мог – хотя при этом правым боковым мог вырубить многих с легкостью. Тренер еще в детстве отточил у него эту коронку через пот, слезы и изнурительные упражнения, как говорится, через «не могу». А дальше – перспективный и ответственный студент технического университета, гордость преподавателей. Человек с будущим. Во всяком случае, так утверждали люди страны, которой недавно не стало. Виктор заслужил право поссать на сливу, которую сам когда-то сажал. Ведь все детство он видел только тетрадки, учебники, потные раздевалки спорткомплекса «Динамо», когда его сверстники развлекались, как могли, как должны были в соответствии со своим возрастом: речка, велосипеды, мотоциклы, гитара, алкоголь, девчонки, вылаз-

ки на природу. Виктор заметил, что на него косятся бабки с бревна. Он ощерился. Гнев перебил обиду.

– Хороший я, вот, смотрите, – какой-то не-знакомый голос повторял внутри.

Дальше следовала армия. Виктор сам пришел в военкомат – его взяли. Служил в Красноярском крае, в далеком гарнизоне, что охранял секретный объект в городе, не обозначенном на карте. И там висел на доске почета как один из лучших сержантов военной части. Отец гордился, когда от командира полка получил благодарственное письмо за сына. Виктор служил хорошо, дедовщина особо его не коснулась, было пару моментов, но далеко дело не зашло, дембеля, черпаки быстро от него отстали – из-за своей правильности и выверенности в мелочах он быстро стал всем неинтересным.

Шеврон идеально пришит, петлички и сапоги сияют. Пошутить просто – не отреагирует совсем, ни внутренне, ни внешне. Был, правда, по первому полугоду службы один сержант, придирался к пустякам, притом сам их и совершал. Дернет за покрывало кровати, подзовет: гляди, не так заправил кровать, кантика нет, полоски неровны. Или шомпол у автомата сворует и потом искать заставляет: не найдешь – все по тревоге начинают поиски.

А потом, доведя молодого до паники, шомпол возвращал с улыбкой, долго читал нотации. Он придирался к Виктору, но со стороны это настолько вы-глядело нелепо и как-то глупо, что старослужащие сами сделали сержанту замечание:

мол, он debil – к херне цепляется, а пацан нормально делает, да и шарит. А после Виктор начал выступать на соревнованиях за часть, и все сделалось совсем просто, точнее, так, как он привык жить и на гражданке: днем возится с бумагами в штабе, с расписанием помогает замполиту, напрягает ум, а вечерами тренируется.

Виктор закончил, поправил штаны. Ухмыльнулся вечеру. – Вот какой я хороший! – прокричало внутри него. Виктор удивился несвойственному себе голосу. Раньше он такого не слышал.

А после началась институтская жизнь, везде надо успеть, еще и помочь одногруппникам: одного по практике проконсультировать; другому по начертательной геометрии поправить чертежи; да и вообще, знакомым с факультета по сопромату надо подтянуть. Так он и познакомился со своей будущей женой: рыжей, миловидной, в дурацкой шапочке, походившую на мужскую, в болоньевой куртке, несмотря на декабрьский мороз.

С возрастом рыжая студентка приобрела уверенность, начали появляться поклонники. Виктор проводил с ней много времени, он уже к тому моменту закончил институт, а она после академа продолжала учиться, и делала это из рук вон плохо.

Только потом узнал, что вынужденные каникулы его жена брала не просто так: связано было с какими-то любовными отношениями, дошел слух, что она делала даже аборт. Вик-

тор не верил, активно помогал ей готовиться к госэкзамену в свободное от работы время, чертил схемы сборочных единиц деталей заводских радиаторов. Она благодарила, игриво целовала в щечку. Позже забеременела, Виктор и сам не понял, как вышло. Будущая жена была у него первой, и от волнения он мало что помнил. Так они поженились. И у них родилась Иринка. Наташка уже чуть позже. И они зажили семьей.

И отмечали Новый год и майские, правда, зарплату на заводе задерживали, но еще терпимо, не как в других городах. Существовать было можно. Даже стали задумываться о машине. Конечно, не новой, но все же.

Виктор зашел в комнату дочек, включил свет, осмотрелся. Остро почувствовал пустоту. Всегда висели, валялись их вещи и игрушки, а тут ничего не оказалось. Кровати были строго заправлены, ни намек на то, что на них кто-то сидел. Да на них никто и не сидел. И не мог... На тумбочке Виктор нашел иконку – единственное, что осталось от прежней жизни. Всмотрелся пьяными глазами в святой лик. Вернул иконку на место. Вспомнил, что это Николай Угодник. Его папа принес из церкви, когда гостил. После Виктор перекрестился, три раза – так его учила бабушка в далеком детстве, зашел в зал и завалился в одежде на широкий диван, закрыл глаза.

Вдалеке продолжало играть радио, по улице проехала пара мотоциклов, озарив фарами темноту. Виктор, хотя и был

с закрытыми глазами, свет от них отлично видел. Привычные вечерние звуки поселка рисовали в его голове четкую картину.

На переулке, прежде чем разойтись, остановились покурить два мужика, видимо, вместе шли с автобусной остановки. Они обсуждали предстоящее дерби Спартака и ЦСКА. Потом перешли к политике, а точнее – Ельцину и Лебедю.

Виктор обостренным слухом улавливал каждое слово.

– Про Солдата слышал? Там еще, кажется, ему срок накрутили.

– Ну и слава Богу, – отозвался второй. – Без него поселок хоть нормально поживет, а что там в Крестах с ним случись – никто плакать не будет.

Мужики покашляли, попрощались и разошлись.

А Виктор ворочался и все не мог уснуть.

Вспомнил, как в каком-то фильме под Новый год видел, что если мучает бессонница, то надо представить вереницу овец, которая идет куда-то вдаль по белым облачкам. И, чтобы успокоиться, их надо считать. Герой, проделавший такое, засыпал незаметно, а следующем кадром было уже утро.

Виктор представил вереницу пушистых мульташных овец: она проходит вдоль его улицы, на переулке не меняет направления, движется до конца, у леса задает маршрут к посту совета, к центру, но не добирается до него, так как раньше заворачивает направо – в сторону старенькой церкви

и исчезает за воротами, ведущими во двор поселковой святыни. «Раз, два, три...» – проговаривал он про себя. Доходил до тысячи, сбивался. Потом складывал насчитанные группы овец, упражняясь в математике.

После болезненного выходного Виктора на работе немного посочувствовали, но обратили внимание на помятый вид: всегда был строгий пробор, зачесанный на правую сторону, а тут не пойми что – волосы в разные стороны. Работал всю неделю он плохо, крутя в пальцах острозаточенный карандаш, пялился в очередной чертеж и ничего не предпринимал. А вот коллеги предприняли: доложили начальству. Особенно докладывал Петр Васильевич, седовласый мужчина серьезных лет, он давно метил в конструкторы, но точно понимал, что вперед Виктора ему туда не попасть. А скорее всего, не попасть никогда – возраст, хронический гастрит, отсюда и непредвиденные больничные. Да и по сообразительности до Виктора было не до-стать, несмотря на опыт, исчисляющийся десятками лет.

На удивление, после одного из рабочих дней Петр Васильевич предложил Виктору малость расслабиться, зашли в закусочную у проходных и пили водку граненниками, закусывали чебуреками. Воняло прогорклым маслом. Гул от обсуждений последних политически-спортивных новостей убаюкивал.

Опытный Петр наливал себе поменьше, Виктору – побольше. Пятница для него была убита.

Утром, борясь с тошнотой, он начал догадываться, что, оказывается, может пить без тормозов. Представил, как, шокировав всю улицу, в расстегнутой рубашке он плетется к своему дому. Улыбнулся – вот я какой, получайте меня – хорошего такого.

Это не деревья сажать по выходным. Не чинить крыльцо баб Насти. Это куда лучше – быть настоящим!

Пожалел, что не затянул какую-нибудь громкую песню, что разбудит уже убаюканных в домах малышей. Ничего, решил, что в следующий раз обязательно споет.

Карьера Виктора пошла под откос. Сказывалось равнодушие к работе. Все делал спустя рукава, рефлекторно, не задумываясь. Конечно, сказывались и пьянки. И сказывалось что-то еще, но из окружающих никто не понимал, что именно.

Петр Васильевич умышленно баламутил Виктора на очередные сто грамм. Сам же употреблял по минимуму. Ему уже грезился кабинет на четвертом этаже здания управления – чистенький, с новым оборудованием, с видом на производство, с наивысшим начальством по соседству.

Как бы ни сочувствовали Виктору, но с ним надо было что-то делать. Пробовали поговорить, он кивал, соглашался, но все равно поступал по-своему. Выговор за выговором, не уволили, нашли лазейку – сократили до рабочего. Там употреблять можно было даже во время работы. Цех загибался, недавний развал страны давил производство. Начали еще

дольше задерживать зарплату. Был уже август, яблоки покраснели и налились.

Решив завязать с алкоголем, Виктор, по совету отца, обратился к вере: зачем-то купил в ветхой церкви поселка иконку. Сильно верующим он не был, но из-за случившегося семейного раскола вдруг уверовал. Даже начал учить «Отче наш...».

Новую иконку поставил рядом с другой, а после отвел для них специальное место в углу на полке, чтобы хоть как-то оживить комнату.

Перекрестился несколько раз. Кровати дочек раздражали – давали ощущение одиночества, пришлось их разобрать и вытащить в сарай.

Уже к осени завод сократил половину состава, в основном стариков и законченных тунеядцев, Виктору повезло – миновало. Но перспектив хороших не намечалось. Петру Васильевичу не повезло больше всех, только его перевели в отдел конструкторов, как попал под это сокращение, не прошло и полгода. Только позже он догадался, что для этого его и брали на свободную вакансию, чтобы сохранить кого потолковее и убрать в нужный момент наименее нужного.

Виктор встретил Петра Васильевича у проходных, он – пузатенький и в серой ветровке – плелся, отдаляясь от завода. С каждым сделанным шагом из него уходила жизнь. Походка становилась шаткой, земля под ногами не ощущалась.

– Петр Васильевич, Петр Васильевич! – догнал его Вик-

тор.

Ответа не получил.

– Как дела, Васильич?

Васильич – так звали его все, Виктор же до этого никогда, только по имени-отчеству.

– Все, – остановился сокращенный, его лицо было бледным, как у покойника. Седые брови застыли в изумлении в тот момент, когда их хозяин услышал печальную новость. Казалось, что такими они останутся уже навсегда.

– Да ладно, – Виктор толкнул Петра Васильевича. – Пошли выпьем, давай, ничего тут такого не случилось. Зато теперь на рыбалку хоть каждый день можешь ходить.

И они выпили. Закусочную наполняли незамысловатая музыка и гомон мужиков, вышедших только что со смены. Гремели стаканы, лилась водка, а располневшая официантка с красивым именем Любовь, обслуживая работяг, которые делали ей различные комплименты, кокетливо улыбалась. После каждого ласкового слова хорошела на глазах.

Когда градус достиг своего пика, а слова в льющихся песнях стали совсем неразличимы, Виктор начал:

– А что ты хотел? – за стеклом шли люди к остановке, солнце уходило за сквер. – Ты старый. Пойми ты уже, сейчас старые не нужны. Не дергайся. Куда ты жалобы писать собрался? В про-фсоюз? Пиши, давай, там Семен Николаевич – он сам сидит, как бы не убрали. – Виктор хотел остановить, понимая, что закапывает человека живьем, но вспомнил

его выходки и сказать «стоп» уже не мог. – Все, закончилась твоя работа. С внуками нянчайся... В зоопарк их води, лимонад покупай, – он специально заговорил про семью, точно зная, что у Петра Васильевича ее нет. Он одинок: жена умерла, ребенок после армии уехал в Норильск работать, присылал раз в год открытку на день рождения и все.

Виктор говорил, лоя себя на мысли, что он уже не тот интеллигентный инженер с чувством такта, а работяга, и выражается, как человек грубого труда – легко, непринужденно, все упрощая, только с одним исключением – с чувством глубокой подлости внутри, что в целом простым труженикам было совсем не свойственно.

Подошли парни из цеха. Виктор сменил тему.

Разговор повернул в другое русло. Петр Васильевич молчал и не пил, откушенный бутерброд с хвостом сельди продолжал лежать на тарелке, и он смотрел на него и не думал уже ни о чем.

В голове была такая же пустота, как в комнате дочек у Виктора дома.

Только в понедельник узнали, что Петр Васильевич повесился. Его нашли у себя в гараже, где сильно пахло краской. До осени он планировал придать ему новый цвет. Доремонтировать свою «копейку».

Пришлось ломать дверь. Петр зачем-то закрылся изнутри. В жестянку была насыпана заварка, заливший электроплитку чайник вонял гарью.

Виктор стоял у ветхой церкви среди сосен и откладывал звонок дочке и жене. И так плохо, не хотел делать себе еще хуже. На хорошие новости с того конца провода он не рассчитывал. Зашел внутрь, купил пару свечек, молитвенник в лавке, вернулся домой и не мог уснуть. Решил, по наставлению батюшки, зажечь у икон одну из купленных свечек. Танцующий огонь красиво освещал иконки и переплет молитвенника. Но церковная свечка тут же прогорела, тогда он нашел обычную, поставил ее на позолоченный поднос, чтобы туда стекал воск, и поднес спичку к фитилю. Пламя ярко озарило лики икон. Сначала моргало насквозь, но потом сделалось спокойным и высоким.

В дверь постучала баб Маша, узнала, как дела.

Виктор отделался стандартными ответами. Вышел на улицу, накинув олимпийку с сиреневыми полосками, чтобы проводить сердобольную бабульку.

Распрощался. Захотелось закурить.

Спросил у соседа Игоря, бывшего афганца, приезжал к Семеновне погостить часто – был мужем ее дочери. Тот сидел в уставной майке и синих трико на скамейке под вишней, затыкаясь и наблюдая за шумящим тополем в посадках.

– Солдату, слышал, срок продлили, что-то еще приписали, теперь не скоро выйдет, – откликнувшись на просьбу Виктора, Игорь протянул пачку «Ту-134».

Солдатом стали кликать Володьку за боевое прошлое. Он жил через дом от Виктора – сосед Семеновны. В свое время

занимался разбоем в городе, наезжал на начинающих коммерсантов, выбивал долги. В общем, действовал по классике своего времени. Начал подтягивать некоторых с поселка, особо активных, в их числе был и Семилетов, помог ему выжить в тяжелой среде обитания пост-советского развала. Старшее поколение Володьку уважало, а может больше боялось – тут все вместе и не разобрать.

С ним, с одной стороны, было спокойно – он мог выручить, конечно, но за помощью обращаться к нему никто не спешил, так как понимали, что потом он обязательно попросит о той или другой услуге. И тут уже не будет возможности отказать, как ни крутись.

Но, с другой стороны, как Володю упрятали за решетку, и все поняли, что срок значительный, большинство как-то вздохнули с облегчением. Особенно женщины: не нравился им его въедливый и похотливый взгляд.

– Понятно.

Игорь подкурил спичкой Виктору. Искра от черкаша отлетела на землю.

– Вот те, – Игорек посмотрел коробок, – отсырели все-таки... Как ты сам?

– Нормально.

– Ходят слухи... Семеновна тут все беспокоится. Что, тебя сократили?

– Не, – Виктор выдохнул дым и закашлялся. – В цех перевели.

– Ну это еще ничего. Вон, Леху Лапова, Сашку Донского вообще убрали, – Игорь выдохнул вверх терпкий дымок. – Оно-то я тут сам второй месяц на подсосе, то тут, то там. Ладно раньше пилорама работала, так и ее прикрыли.

Все на улице знали, как и многие в поселке, что «тут и там» – это подворовывание металла с проходящих вагонов или поиск бесхозных кабелей и прочего цветмета. А так Игорь особо нигде и не работал толком, уже лет пять как ушел из какой-то конторы. Притом по собственному желанию.

– Может, по чуть? – докурив, намекнул Игорь.

Взяли самогон у баб Насти, разбудив ее – она вышла в безразмерном халате с залипшими фиолетовыми подтеками. Повозмущалась, но продала.

Соседи уселись за теплотрассой, на плите с проступающей арматурой словно ребра на рентгене. Закуски нарвали с огорода. Недозрелые по-мидоры пахли росой. По рельсам со стуком убегали на юг огоньки. На небе сияли звезды.

На проезде, где теплотрасса приподнималась квадратной дугой, веселились местные подростки.

– Давай, а то Катька ждать будет, я сказал, что помочь к тебе пошел, если что, завтра ей скажешь, хорошо? – суетился Игорек, разливая из бутылки из-под лимонада «Тархун» мутную жижу по рюмкам, что прихватил с собой Виктор из серванта. Виктор никуда не торопился, и спешка соседа раздражала. Пили молча. Игорек захмелел быстро.

Видимо, керогазить начал еще с вечера, стал травить байки про Афган.

Рассказанное напоминало сцены из американских боевиков:

– И вот темнота, тут мы сидим в ущелье, а перед нами аул. Говорит наш сержант – Скворец, из Твери парень был, на три года старше меня – мол, сейчас солнце выйдет и зачищать духов будем. Ну, там мы нормально так попалили. Я у одного автомат подобрал и... Это типа нашего хутора эти аулы. Я сразу из одного и другого по ним. Нас в учебке учили. Да там чему только не учили. Тоже сержант был – Колька, из Тобольска – надрочил так, что нам хоть с двух, хоть из трех. А они – по нам, – Игорек выдержал философскую паузу. —

Да, были ночки... Что тут скажешь?.. Тут погранцы на БТРах подтянулись. Нормально так их отутюжили. А Скворец наш потом давай погранцам предъявлять. Они тоже, красавцы, конечно, – на все готовенькое... Ну, так и живем. Знаешь, есть такие люди, что на чужой славе так и хотят в рай въехать.

– Понятно, – грубо перебил Виктор, после чего бывший афганец замолчал, и стало отчетливо слышно музыку молодежи:

Эй, гуляй мужик,

Противай что есть...

Доносилась из динамиков принесенного мафона. Леха, живущий на второй улице, прикатил его на своем мотике.

Виктор слышал до этого «Сектор газа», но всерьез не воспринимал. А тут воспринял.

Пей за всю херню...

Осуждающе посмотрел на соседа, готового уже поведать очередную байку.

Баб Маша как-то говорила, что у нее племянник в военкомате работает. Он-то все доложил от и до. Знает она, как Игорек служил: склад вещевого охранял, дальше лагеря не выходил, ни в горах, ни в городе в боевых операциях не участвовал, колонны не сопровождал. Самое страшное, что было, – это вши бельевые. Вот с ними Игорек и боролся, прапор – завскладом – заставлял проглаживать утюгом каждый шов белуги в свободное от дежурства время. Так, с утюгом, в поту и в жаре от бельевого пара, проходили суровые будни афганца, по увольнению получившего звание ефрейтора.

– И ты слышал, вообще не понимаю, – Игорек искренне горячился, – Юрику, да, Попову памятник собрались у поста советов ставить. Там какие-то подписи собирают, в округе наши договариваются с краеведами. А за что? Не, мужик хороший был, спору нет. Но сколько нас таких хороших.

При слове «хороших» Виктор отвел взгляд в сторону посадок.

– Всем нам памятники не понаставишь. А что он сделал? Просто погиб при службе, и все. Понимаешь? Так это же не подвиг. Вон, в Афгане, сколько пацанов погибло... Им ничего не поставят.

Виктор молчал. Собеседника это раздражало.

– Ну, по одной, и я погнал, – Игорек привстал, собираясь пить чуть ли не на ходу.

– Ну, иди, – грубо вырвалось у Витьки. Он понимал, что его полупьяного ждет пустая комната и больше ничего. – Сигаретку оставь.

Игорек удалился, шелестя ночной травой.

Допил из горла мутные остатки. Понял, что прикурить нечем. Встал и поплелся по колее от грузовика к веселящимся парням и девчонкам. Видел за посадками горящие окна домов, посельчане отходили ко сну. И представил, как возвращающимся от лесной остановки со второй смены его дом кажется абсолютно безжизненным. Знающий хозяина так и перемолвится с другим, мол, что-то Витек совсем закис, хороший мужик же был.

– Есть прикурить? – пьяно и с запинками спросил Виктор у толпы.

Леха парень был хоть и дерзкий, но старших мужиков с улицы уважал. Шурша джинсой чиркнул зажигалкой, поднес к сигарете Виктора. Тот прикурил от огня, кивком головы отблагодарил и хотел двинуть сквозь посадки к дому. И тут услышал – а может, ему показалось – кто-то передразнивает его пьяное заикание. Женские голоса перебили музыку, хор льющегося хохота в его одурманенном мозгу преобразился в единый смех его жены.

Ему вдруг представилось, что она со своим грузином сей-

час так же, как и эти, еще почти дети, смеются над ним. Весь мир над ним потешается – мир, который обманул его, внушил и воспитал быть правильным, жить по человеческим канонам, а в итоге дал понять, мол, тебя разыграли. Над тобой пошутили. Все совсем не так.

Виктор обернулся. Свет железнодорожной вышки освещал веселье. На багажнике от «Восхода» стоял двухкассетный магнитофон. Пара парней потягивали пиво из бутылок, передавали девчонкам.

– Что? – Виктор, пошатываясь, застыл на своем месте.

– Ничего, – грубо и нагло отозвался переросток Пашка, внук Яшкиной, жившей на окраине улицы.

Пашка в адидасовском костюме выпятил себя из своры. Хотел показаться перед девчонками, он это всегда любил. Мог и младших позадирать, и над сверстниками своими потешиться. Леха попробовал его унять, но тщетно. Девчонки насторожились, ситуация им явно не понравилась.

Виктор думал, что ответить. Но неожиданно что-то проснувшееся у него внутри, заговорило за него. Голос, который еще недавно Виктор слушал внутри себя, услышали и другие.

– Ты чего щеришься, как параша...

Откуда он мог слышать такое выражение?

Наверно, когда-нибудь в армии или на заводе.

– Эй, ты че? – Пашка продвинулся вперед, раздвинув плечи. На груди, как медаль, висел значок с надписью *Prodidgy*.

Музыка замолкла – видимо, кончилась кассета. По улице прокатил Семилетов. Залаяли собаки.

Паша надвинулся на Виктора. И вроде бы надо уже было что-то предпринять, но он растерялся.

Хорошо бы, конечно, проучить Витька за такое хамство. А, с другой стороны, вроде бы и свой, вроде бы и старше. Но долго переживать Пашке не пришлось, он и сам не понял, как ночная зелень посадок содрогнулась в его глазах. Он покачнулся и повалился на тяжелую, притоптанную к старому асфальту пыль. Боковой Виктора сразил подростка. После чего победитель сплюнул сигарету.

И двинулся к дому.

За ним оставалась безмолвная толпа. Ему представилось, как он, растворяющийся в полумраке, смотрится сквозь призму их глаз. И решил доба-вить масла в огонь, затянул на свой лад, абсолютно не попадая в ноты:

Эй, гуляй, мужик,

Противай, что есть!

Вспомнил о Петре Васильевиче и запел еще сильнее и омерзительнее. Из приоткрытого окна донесся детский плач.

– Вот, Витька нашего бес крутит, – донеслось со стороны.

Миновав бабок, Виктор решил сделать песню еще громче. Вдохнул побольше воздуха и заорал что есть мочи пьяную песню.

Виктор шел к дому, за ним загорался в окнах свет, собаки хрипели на цепях, пытаясь сорваться. Ночь была безветрен-

ной. Деревья накрывали дорогу еще большей темнотой. Над поселком висела круглая луна, напоминающая значок Пашки на груди.

Сам же Пашка сидел на оголенной трубе теплотрассы. Держался за челюсть. Кровь заливала джинсовую куртку. Девчонки убежали за водой.

Леха изо всех сил пытался помочь, но не знал как.

А во дворе у переулка хлопнула стальная калитка, скрипнуло крыльцо. Виктор запутался в тюле маленькой прихожей, скинул ее с себя, словно па-утину. Разулся с ходу и заблудился в собственном доме. Блуждал и не мог найти выключатель, все наобум, на ощупь, тщетно. Ударился коленом о ведро. На маленькой кухне потоптался, то и дело опираясь на дверные проемы, вернулся в темноту коридора, пропахшую пыльным ковром. Вдруг во тьме мелькнул огонек. Пошел на него, то теряя из виду, то находя снова, как сбившийся с курса корабль на прожектор маяка. Оказался в мрачной и пустой комнате – на золотящемся подносе горела свеча, озаряя иконы. Виктор перекрестился и зашептал сам себе неразборчивые слова, напоми-нающие молитву. Особо выделились фразы из песни:

Эй, гуляй мужик,

Противай, что есть!

В поселке, когда люди шли с остановки через пути и спускались с соснового пригорка, всегда начинали надрываться собаки. Летом такой собачьей активности не придавали значения, а вот осенью это наводило на раздумья.

Собаки лают по-разному. Городские, домашние – от страха, от собственных капризов. Их лай обращен к хозяевам. Он тише, он не разносится эхом, он понятен и не вызывает страха, если только от неожиданности. Бездомные, поселочные, деревенские, те, что на цепи, лают иначе – обращаются к какой-то безысходной осенней пустоте или продымленным горизонтам, словно спрашивают у самой Вселенной: «Зачем все это?». А Вселенная молчит, нечего ответить ей ни собакам, ни нам, так как ответ – это земное понятие, как надежда, как спасение, как попытка разобраться в своей смертности. Вселенная молчит – молчание ее язык, нам недоступный. Нам только упование на то, что, когда замолчим мы, пойдем, о чем молчала Вселенная.

Осень затянулась, для многих эта пора кажется самой долгой в жизни. Облетела листва, посадки стали прозрачнее, а лужи мутнее. Ветра задули холоднее и пронзительнее. В школу и местный клуб с выступлениями зачастил какой-то кандидат в горсовет из Петровского округа. Говорил много и старательно, то и дело протирал потеющие очки.

Отличали его от всех предыдущих молодой возраст и приталенный костюм итальянской марки. Обещал, что к весне начнет восстанавливать церковь.

И что она вообще не просто церковь, а когда-то в прошлом мужской монастырь «Паройская пустынь» со своей историей, которая начинается еще от Петра Первого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.